

В ГЖАТСКЕ

В тот кладбищенский храм на осколке земли
Мы когда-то случайно детьми забрели
И всю жизнь вспоминали про это.
На краю ойкумены там кроткая Гжать
Не устала кувшинкой и ряской дрожать,
Вытекая в миры из планеты.

Там старухи, взывая к Творцу о мирах,
На глазах рассыпались в кладбищенский прах
И воскреснуть грозили серьезно.
Там Гагарин летел над затихшей Землей,
Всех кумиров планеты затмивши собой,
А в ладонях – кувшинки и звезды.

Но я помню с тех пор – все мы знаем без слов.
Тот восторг потрясения до первооснов,
Тот священный покой сизокрылый,
Где старухи поют и сияет звезда,
Я себе не могла объяснить никогда.
Только знала – о, что-то там было!

Эта церковь года пролежала на дне
Детской памяти – в донной речной глубине,
И всплыла куполами оттуда.
Прочитала случайно я в книжке одной,
Что служил там в изгнании Никон святой –
Воробьев. Разве это не чудо?

Там, в забвеньи, не споря с нелегкой судьбой,
Он молился Творцу и боролся с собой
Много горестных лет и счастливых,
Чтоб молчаньем и словом с грехом совладать.
Он ушел – но стояла звездой благодать
Много лет – в прикладбищенских ивах.

И касалась она душ случайных, как мы,
Заглянувших в ту церковь – взрывая умы,
Рассыпая земные химеры.
Что нам – детям – без слов объяснили тогда?
Русский космос рождает отнюдь не звезда –
А река покаянья и веры.

Помолись же о нас из счастливых миров,
Отче Никон, учитель святой Воробьев,
Рыцарь в душу летящего света –
На краю ойкумены, где кроткая Гжать
Не устала кувшинкой и ряской дрожать
О Создателе синей планеты.

Чтоб Гагарин летел и горела звезда,
Кто-то должен светить и молиться всегда
В век безверия, полночью поздней –
И тогда встанут сонмы живых из земли,
И к Небесному Царству взлетят корабли,
Обгоняя кувшинки и звезды.

* * *

Колышет травы и цветы колышет,
И горизонт колышется вдали.
Здесь, в глубине лугов цветущих, слышно
Особое **присутствие** земли.

В густой тиши, текущей в мирозданье,
Сливаясь с птицей, бабочкой, травой,
Сквозит ее огромное сознание,
Вливаясь в общий разум мировой.

Но, вглубь себя от шумных просек века
Дорогами текучими пыля,
Как будто бы не видит человека
В другое погруженная земля.

В своей судьбе неведомой отдельной,
Колебля ветром зрелый травостой,
Она живет и мыслит параллельно,
О жизни не советуясь с тобой.

Но, полноправный гражданин вселенной,
Ты знаешь – что судьба тебе велит,
И ты желаешь вырваться из плена
Влекущей властно в глушь свою земли.

Ты над собою делаешь усилие
Подняться к синей тьме над головой
И для полета расправляешь крылья –
А крылья поросли густой травой.

ВИКТОРУ СМИРНОВУ

*А из тьмы, доверчив, не обманчив,
Доброй волей соткан и согрет,
Смотрит в наши очи одуванчик –
Заблудившийся в просторе свет.*

В. Смирнов

«Эй, шибче!» — На свадьбе смоленской
Невесте хвалил жениха –
Лихой гармонист деревенский,
Растягивал звонко меха!

Плескал самогон, чтоб не зябли
Ни сват подгулявший, ни брат,
И пел одиночество яблонь
У черных заброшенных хат.

И тихо вздыхал, что поэты –
Мальчишки для злого битья.
И слушал, как молнии света
Сияют в зобу соловья.

Кутьей заедал неизбежность
Судьбинушки, равной для всех,
И прятал крестьянскую нежность
За громкую шутку и смех.

А полночью с бабкою древней
Считал одуванчики звезд
И плакал, родную деревню
Свозя на родимый погост.

И лег на родимом погосте
Со всею деревней своей –
Всем рбдный по крови и кости –
Крестьянских корней соловей.

Да лег ли? Не лег! Где планета
Гудит на последнем витке,
Застыл с одуванчиком света,
Дрожащим в упрямой руке.

Там в поле закат пламенеет
И зреет озимый овес,
И вещей поэзией веет
Твой голос, проросший до звезд.

Когда, взрывая тьмы отвес
И душ растерянных основы,
На мир, как свет с ночных небес,
Божественное сходит Слово –

Ему внимают царь Давид,
К струне пророческой склоненный,
И горький Иов в тьме обид,
И в чреве бед земных Иона.

За ним следят за тыщи верст
В пустынях Азии с Европой
Из тайников железных гнезд,
Глаза вращая, телескопы.

И ты, аукая тайгу
У черных изб в углу медвежьем,
Запишешь строчку на снегу
И глянешь в синее безбрежье –

А там – сквозь холод звезд и снег –
Холодным северным сияньем
Горит один огонь на всех
Над потрясенным мирозданьем.

Так ты, поэт, – строкой разя,
В наследство вольных рифм вступая,
Забудь искать во всем себя,
Своей гордыне потакая.

Всему творению родня
Огнем и вечным духом Слова,
Исполнишь общего огня –
И не ищи огня другого.

СКАЗАНИЕ ОБ АНДРЕЕ ПЕРВОЗВАННОМ

С той метельной зимы минул снег неизвестно какой,
Но живет до сих пор свет предания, Господом данный –
Как с заплечным мешком да сосновым простым посошком
Да по тропочке той шел апостол Андрей Первозванный.

Он за Киев пошел – к неизвестным истокам Днепра,
К лютым северным льдам в скифском сне беспробудном медвежьем.
Темен город в снегу – ведовская курная нора!
Грозен царь Борисфен, залепивший метелями вежды!

Морды бесов и змей на долбленых кривятся ладьях.
Шкуры вепрей и лис на парнях и зазнобах счастливых.
Курит град Смоленец смолы в красных кипучих кострах.
Эту лютую тьму не развеять и Божьим огнивом!

И такая тут ночь, и такой вековечный мороз,
И такая пурга – что надежней совсем не родиться!
Но на Тайной Вечере апостолам молвил Христос,
Чтоб страдали и шли – ибо всем надлежит причаститься!

Только здесь и слова, замерзая, плывут в пустоту.
Есть лишь зверьи следы да алмазные звезды на черни!
Шел апостол Андрей – и сквозь вьюгу молился Христу,
И просил у Христа вразумленья в молитве вечерней.

И услышал Христос, и по свету сошел в снегопад,
Рядом встал на холме и взгляделся в морозные дали.
Что за тихая ночь! Этот лес как Божественный сад
В голубых хрусталях, утоливших земные печали!

Мерно сосны поют над сугробами трубами царств.
Тонок звон тишины в заповеданном царстве зверином.
Под лосиным копытом не хрустнет прогнувшийся наст.
Не шелохнется снег под бесшумною стаей волчиной.

И руками развел над великим простором Христос –
И холмы поползли над рекою подробно телегам.
И великий простор городами сквозь вьюги порос –
И во тьме зазвенел куполами, крестами и снегом.

И из снега, из тьмы, из медвежьих и заячьих троп,
Из праскифского сна, глушь медвежьих распадков осилив,
Из глубин Борисфена, из белых сосновых чашоб
Сквозь седой снегопад за холмами явилась Россия.

В золотых куполах – как свеча над снегами горит!
В красноглавых кремлях – с ясным пламенем чистого сердца.
И идут за Христа на Голгофу князья и цари.
И идут за Христа на мученья и смерть страстотерпцы.

Невский князь Александр солнцем битвы звенит на ветрах.
Инок Сергей поет песню жизни бойцам Куликова.
Смуту черных времен разгоняет Крестом Иринарх.
Мирным Духом горит Серафим из святого Сарова.

И растут города из метельных сугробных берлог.
И заводы дымят по сосновым чашобам морозным.
И плывут корабли льдами синих штормящих дорог.
И летят корабли к замерзающим медленным звездам.

Это, Господи, рай! Это дивных чудес снеговой!
Это, Господи, сад на искрящей алмазами черни!
Так стояли Они – сам Христос и апостол Андрей –
Замышляя Россию в великой молитве вечерней.

Как на тропочке той, где в сугробе дрожит березняк
И завода труба вмерзла в тучу над красным закатом.
И люблю я смотреть сквозь огнями вихрящийся мрак,
Прозревая легко, что заведомо было когда-то –

Вот у этих седых крепостных развалившихся стен,
У церквей и мостов, вмерзших в снега родную стихию,
Где из тьмы вековой выплывает, клубясь, Борисфен –
И священным Днепром за холмами впадает в Россию.